

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ

В.П. Журавель

DOI: 10.7256/2305-560X.2014.2.10751

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)

Аннотация: В статье предпринимается попытка проанализировать процессы, происходящие в Дагестане как важном районе Северного Кавказа с позиций укрепления национальной безопасности России. В заключении автор предлагает комплекс мер по противодействию терроризму, совершенствованию социально-экономической и духовной сферы республики. В последние два десятилетия Северный Кавказ является самым сложным и проблемным регионом Российской Федерации с точки зрения социально-экономического положения, государственного управления, решения разного рода этнонациональных, конфессиональных, территориальных и иных противоречий и конфликтов, обеспечения национальной безопасности. Президент Российской Федерации В. В. Путин, подчеркивая напряженность обстановки в национальных республиках Северного Кавказа, отмечал: «Ослабление, распад единой государственности в начале 1990-х годов обернулись и на Кавказе очень тяжелыми последствиями, если не сказать кровавыми конфликтами. В ряде регионов вспыхнула настоящая гражданская война. Этим воспользовались международные террористы, которые совершили агрессию против России и народов Кавказа. Террор боевиков вызвал потоки беженцев и перемещенных лиц. Экономика и социальная инфраструктура деградировала, а в ряде республик она была просто уничтожена».

Ключевые слова: международные отношения, политика, Россия, Северный Кавказ, Дагестан, борьба с терроризмом, модернизация, конфликт, федеральная власть, государство.

Эти проблемы в полной мере нашли свое особое, конкретное отражение в Республике Дагестан (РД), которая с точки зрения национальной безопасности на Кавказе занимает особую роль и значение.

Во-первых, Дагестан в силу своих этнополитических, конфессиональных и геостратегических характеристик становится одним из наиболее уязвимых приграничных регионов России, который в наибольшей степени подвержен влиянию происходящих на Кавказе процессов. Он становится осевым регионом в Кавказском геополитическом пространстве, российским рубежом, позволяющим обеспечивать защиту национально-государственных интересов в регионе. Без преувеличения можно сказать, что Россия в своей истории прирастала не только Сибирью, но и Кавказом, ставшем в конечном итоге ее естественным защитным рубежом на южном стратегическом направлении.

Во-вторых, располагаясь на важном стратегическом коммуникативном пути Север – Юг и Запад – Восток, территория Дагестана являлась одной из немногих главных миграционных магистралей Кавказского региона, что обусловило его высокую степень вовлеченности в региональные

процессы. Республика имеет общую сухопутную границу с Азербайджаном и Грузией. Вдоль территории Дагестана проходит большая часть российского побережья Каспийского моря, через которое республика граничит с Туркменистаном, Ираном и Казахстаном.

В-третьих, значимость Дагестана возросла в связи с расположением на его территории маршрутов транспортировки углеводородного сырья¹.

В-четвертых, в конфессиональном плане дагестанские этносы традиционно связаны с мусульманским миром Востока, а сама республика входит в исламский геополитический полумесяц, охватывающий страны Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока и Юго-Восточной Азии, где, по сути, является частью конфессиональной границы между мусульманским Югом и христианским Севером.

Промежуточное положение, смежная этноконфессиональная и духовно-цивилизационная характеристика Дагестана, позволяет говорить о нем как о «воротах» России в Кавказско-Каспийский

¹ Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). – М., 2006. – С.105.

регион и исламский мир в целом, что позволяет Дагестану занимать важное место в российской внешней политике. Регион можно рассматривать как некий неоднородный и многоликий культурно-цивилизационный круг. На протяжении многих веков в его облике переплелись черты разных эпох, племен, народов, конфессий, культур, языков.

Геополитические характеристики Дагестана обретают особое значение в контексте защиты стратегических и геополитических интересов России, обеспечения политической и социально-экономической стабильности на южных рубежах, сохранения своего влияния на прилегающих территориях. Дагестан становится российским форпостом, важной военно-политической областью, от которой во многом зависит успешная политическая деятельность как внутри страны, так и за ее пределами. Геополитическая модель республики обретает основополагающие характеристики Юга России и всего Кавказа, выступая связующим звеном во взаимоотношениях с государствами Южного Кавказа, Центральной Азии и далее с государствами Большого Ближнего Востока, что в условиях российского Юга обретает особое значение.

С другой стороны следует отметить, что **в самом Дагестане образовался узел сложных этнических, конфессиональных, социальных и культурных противоречий**, уходящих за пределы самой республики на территорию Северного и Южного Кавказа и далее на Ближний и Средний Восток. В данном контексте границы геополитического пространства Дагестана довольно условны и подвижны: административные и даже государственные границы не всегда совпадают с этническими, конфессиональными и культурно-цивилизационными.

Во-первых, значительная популяция лезгин населяет территории на севере Азербайджана, аварцы проживают на территории Азербайджана и на востоке Грузии. В свою очередь, значительная азербайджанская диаспора представлена на юге Дагестана. Ареал расселения кумыков и ногайцев также выходит за территориальные рамки Дагестана².

Во-вторых, в начале 90-х гг. прошлого века национальные движения лезгин, кумыков, даргинцев и др. выступили за федерализацию Дагестана на этнической основе, а некоторые наиболее радикальные силы – даже за создание самостоятельных

этнических государств. К настоящему времени такие проекты остались достоянием лишь весьма узких группировок, не пользующихся среди населения сколько-нибудь заметной популярностью. Тем не менее, в республике, равно как во всем регионе, сохраняется множество других проблем конфликтного характера. К тому же пока что не прослеживаются сколько-нибудь убедительные данные, которые бы позволили бы утверждать, что сепаратистские тенденции в регионе стали достоянием прошлого³.

В-третьих, несколько десятков тысяч чеченцев-акинцев, которые более или менее компактно проживают в Дагестане, служат фактором постоянной напряженности между с Чечней. Время от времени они выступают за восстановление ликвидированного в 1944 г. Ауховского района, куда после их депортации были переселены лакцы. После распада СССР и после объявления Чечней своей «независимости», особенно с началом первой чеченской войны, резко усилились требования чеченцев-акинцев о возвращении им своих земель и восстановлении упраздненного Ауховского района. Попытки реализации этих требований потянули за собой целую цепочку дремавших до того времени этнонациональных и территориальных противоречий между самими чеченцами-акинцами, кумыками, аварцами и лакцами, в которых каждая из сторон имеет взаимные претензии друг к другу.

В-четвертых, РД получила в наследство довольно острые проблемы от политики переселения горских народов в прибрежные равнинные районы, проводившейся в течение всего советского периода. Часть аварцев, даргинцев и лезгин, традиционно проживавших в высокогорных районах, была переселена в равнинные районы, на территории которых в течение многих поколений компактно проживали кумыки, ногайцы и некоторые другие народы. Это привело к серьезным изменениям на этнодемографической карте республики. Произошло постепенное запустение и хозяйственная деградация, обезлюдивание обширных территорий в высокогорных районах, где население традиционно занималось скотоводством. Это также привело к обострению, как проблем трудоустройства, так и земельного вопроса в перенаселенных равнинных районах. В то же время равнинные районы, которые раньше были преимущественно

² Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М.: Международные отношения. – 2001. – С. 47–48.

³ Палчаев А.Н. Конфликтотенный потенциал национально-территориального устройства Северного Кавказа // Власть.- 2012.- № 1. – С. 104.

кумыкскими и ногайскими, стали смешанными по национальному составу⁴.

Все это в совокупности ведет к обострению межнациональных отношений и имущественных споров, вызывает протестные настроения у коренных народов Дагестана, оказавшихся в численном меньшинстве на своих этнических территориях в результате внутренней миграции.

За последние два десятилетия в республике возникло ряд новых проблем в ее развитии.

Во-первых, для РД характерен низкий уровень экономического развития, высокий уровень развития теневой экономики, уход бизнес структур от уплаты налогов, неблагоприятный инвестиционный климат, высокий уровень безработицы, в том числе среди молодежи. Это привело к значительному отставанию от среднероссийских темпов роста доходов населения. Какую отрасль дагестанской экономики не возьми, каждая из них ориентирована в первую очередь на максимальное привлечение средств федерального центра. Главная гордость республики это самое большое овечьё стадо в стране и его надо всемерно развивать. В Дагестане содержится 5 млн овец.

Во-вторых, происходит деградация социальной сферы – образования, здравоохранения, отток активных и образованных слоев населения, в том числе русского населения.

В-третьих, для РД характерны клановые и этнократические принципы формирования органов власти и управления, системная коррупция, низкое качество управления и подготовки управленческих кадров. А это автоматически обрекает большую часть общества на полную бесперспективность.

Многие социально-политические процессы происходят вне сферы влияния официальных органов власти. Порой власть не может даже прогнозировать появление тех или иных проблемных полей. «Это происходит, – как подчеркивает профессор кафедры истории Дагестана Дагестанского государственного университета А.И.Омаров, – в основном по двум причинам: 1) низкий авторитет власти в глазах народа и довольно длительная практика низкого качества управления (субъективный фактор); 2) недостаточный учет местными властями в управлении историко-культурных традиций Дагестана (объективный фактор)»⁵.

⁴ Там же.

⁵ Омаров А.И. Некоторые особенности общественной трансформации на Северном Кавказе (на примере Респу-

В-четвертых, высокий уровень влияния религиозных организаций на все сферы жизни общества. Исламизация социальной жизни и изменение в этой связи цивилизационной идентичности, распространение радикального ислама на территории республики и усиление его влияния на население, в первую очередь на молодежь.

На территории Дагестана резко обострились проблемы безопасности, вырос уровень террористической угрозы.

Это находит свое выражение, **во-первых**, в неблагоприятной криминогенной обстановке, усилении деятельности террористического бандподполья, экстремистских и радикальных исламских группировок. По-прежнему низка роль институтов гражданского общества и общественности по расширению профилактики и предупреждению терроризма через гармонизацию межнациональных и межконфессиональных отношений и формирование у населения мотивации личной ответственности и готовности к антитеррористической борьбе.

Во-вторых, растет количество преступлений террористического характера. Так в 2010 г. в РФ их было совершено 779, из них в Дагестане 310, в 2011 году соответственно 365 (229), в 2012 г. соответственно 316 (193)⁶.

В-третьих, действия незаконных вооруженных формирований (НВФ) и бандгрупп, в первую очередь, направлены против сотрудников правоохранительных органов.

В основном посягательства совершаются путем обстрелов из огнестрельного оружия, подрывов самодельных взрывных устройств (СВУ) или их совмещения.

При этом используются разнообразные тактики совершения посягательств, наиболее характерными из которых являются:

- обстрелы сотрудников, передвигающихся на служебном или личном автотранспорте;
- обстрелы при несении службы, в т. ч. на постах, при нахождении на службе, вне службы, следовании на службу или со службы;
- подрывы СВУ на путях движения автотранспорта с сотрудниками, в т. ч. колонн (в последних случаях осуществляется их массированный обстрел);

блики Дагестан) // Трансформация и конфликты в Центральной Азии и на Кавказе. М.: ИВ РАН, ЦСПИ, 2013.- С.76

⁶ Данные Национального антитеррористического комитета и Антитеррористической комиссии РД

- подрывы автомашин сотрудников путем установления под днищем СВУ;
- нападение непосредственно по адресам проживания сотрудников ОВД во внерабочее время;
- нападение при выездах на вызов на место совершения первого преступления (тактика «заманивания»);
- использование террористов-смертников на автотранспорте, начиненном взрывчаткой, или с «поясами шахидов»;
- обстрелы домовладений сотрудников ОВД;
- подрывы при обследовании дорог, блиндажей НВФ⁷.

Наибольшее число посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов в течение 2011 и 2012 гг. совершено в городах Махачкале (27 и 24 соответственно) и Хасавюрте (11 и 7), Карабудахкентском (7 и 3), Кизилюртовском (5 и 4), Цумадинском (4 и 2) районах⁸. Если совершенные преступления распределить по времени суток, то целенаправленные посягательства совершены в основном в вечернее и ночное время.

Особые усилия боевики направляют на Махачкалу самый крупный город и столицу Республики Дагестан. В городе сосредоточены управления территориальных и региональных органов государственной власти и большая часть стратегических объектов безопасности, которые компактно расположены в границах Ленинского и Советского районов города Махачкалы. Данные районы характеризуются большой транспортной загруженностью и скоплением человеческого ресурса, что объективно не позволяет оперативно реагировать на акты терроризма⁹.

За последнее время в городе было совершено два крупных теракта. 20 мая 2013 г. у здания управления Федеральной службы судебных приставов взорвались два легковых автомобиля – двое полицейских и двое судебных приставов погибли, ранения получили 30 сотрудников полиции, 12 приставов и четверо гражданских лиц. 25 мая 2013 г. произошел взрыв недалеко от здания местного

МВД, которая устроила смертница, в результате один человек погиб, 18 получили ранения¹⁰.

Наибольшие потери несет личный состав служб, непосредственно задействованных в мероприятиях по обеспечению общественного порядка на улицах, постах ДПС, КЗП и в антитеррористических мероприятиях.

В 2007–2008 гг. в результате активного противодействия НВФ на территории Дагестана погибло 83 сотрудника правоохранительных органов, в 2009 г. погибло 58 и ранено 135 сотрудника внутренних дел, в 2010 г. – погибло 108 и ранено 204 сотрудника¹¹. В 2012 году в РД погибло 69 сотрудников полиции¹².

В-четвертых, боевики в своей деятельности пытаются опираться на молодежь. Высокий уровень молодежной безработицы способствует ее маргинализации и создает благоприятные условия для распространения в молодежной среде экстремистско-террористической и национал-сепаратистской идеологии. Незанятая и не работающая молодежь рассматривается различными деструктивными силами как наиболее активный слой населения, не обладающий устоявшимся мировоззрением, предрасположенный к участию в различных акциях экстремистского и иного противоправного характера.

Большие масштабы внутренней миграции в Дагестане, когда около 80% молодых людей живут и работают не в тех местах, где они родились, и как следствие состояние «неукорененности», «выбитости из колеи», потери малой родины являются источником напряженности в межэтнических отношениях¹³.

Молодежь среди задержанных в Дагестане за террористическую деятельность в 2008 г. составила 76,2%, в 2009 г. – 67,7%. Среди убитых членов НВФ лица от 15 до 30 лет составили в 2008 г. – 71,2%, в 2009 г. – 70,1%. Доля молодых в структуре активных организаторов преступле-

⁷ Гамидов А.М. Территориальные различия посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов в Дагестане // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2013. – Вып. 2. – С.118.

⁸ Там же

⁹ Магомедов И.Р. К вопросу о муниципальной безопасности в городе Махачкале: теоретические и практические аспекты // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2011. – № 4. – С. 24–25

¹⁰ Сообщения информационных агентств и СМИ за 20 и 25 мая 2013 г.

¹¹ Серкерев С.Э. Международный терроризм в Дагестане. – Махачкала, 2012. – С.62.

¹² Из интервью министра внутренних дел Дагестана генерал-майора полиции А. Магомедова еженедельнику «Военно-промышленный курьер» от 15 мая 2013 г.

¹³ Ибрагимов М.-Р. А.. Этнокультурные последствия миграционных процессов в дагестане во второй половине XX-начале XXI в. // Вестник Института ИАЭ. – 2011. – № 3. С.92–93.

ний террористической направленности в 2009 г. составила 32,2%¹⁴.

Печально, что в рядах боевиков нередко встречаются дети высокопоставленных чиновников, студенты, экс-полицейские¹⁵.

Так, по результатам социологического исследования научного сотрудника Дагестанского научного центра РАН З.Абдулагатова молодежь главными причинами «ухода в лес» считает: стремление заработать; случайные обстоятельства, желание почувствовать силу, романтику; бандитские побуждения. В пункте «стремление заработать» речь не идет о том, что была необходимость «содержать себя, семью». Данный вариант ответа был предложен в числе других и занял 4-е место в иерархии причин экстремальности в сознании молодежи (10,5%). Религиозный фактор – на 5 месте (7,8%). Борьба за социальную справедливость, о которой так часто говорят защитники «лесных братьев», оказалось на последнем – 7-м месте (4,4%)¹⁶.

Все это требует глубокого изучения состояния кризисного социального самочувствия молодежи и их мотивов пополнения рядов боевиков.

Необходимо учитывать и то, что боевики поддерживают семьи погибших соучастников, а потом забирают от туда детей в свои отряды. Вдовы нередко становятся шахидками¹⁷.

Лидеры бандподполья предпринимают попытки восстановить системы управления НВФ, нарастить боевой потенциал, накопить средства террора, оборудование баз и тайников.

Анализ практических материалов правоохранительных органов в данной сфере подтверждает наличие не только внешних, но и внутренних финансовых потоков поддержки террористической деятельности. Начальник Центра профессиональной подготовки МВД по Республике Дагестан А.М. Абдулатипов выделяет на основе исследования разных материалов наличия следующих источников финансирования терроризма на Северном Кавказе: криминальный бизнес путем создания

частных торговых, медицинских и иных структур путем легализации преступно нажитых средств; мошеннические действия в банковской сфере; незаконный оборот оружия и наркотиков; контрабанда наличности, золота и драгоценных камней; бандитизм (нападения на инкассаторов при перевозке денег, на объекты хранения денежных средств, частные дома состоятельных граждан с целью завладения деньгами и т.д.); похищение состоятельных граждан и требование выкупа как условия их освобождения; фальшивомонетничество, в том числе межрегионального характера; вымогательство (рэквет) у чиновников, занимающихся хищением бюджетных средств, предпринимателей, владельцев игровых заведений, рынков и т.д.¹⁸

Кроме этого активно практикуется безвозмездное предоставление жилья и другой материальной помощи террористическим ячейкам¹⁹.

То есть в Дагестане выпукло отражаются многие болевые точки, непосредственно угрожающие его национальной безопасности России: коррупция и засилье организованных преступных сообществ, социальная несправедливость и радикализация социального (культурного) протеста. Особенность региона в том, что этот протест облекается в религиозные (исламские) одежды, усугубляется очагами межэтнических, преимущественно земельных конфликтов, возможностью «вбить клин» между многочисленными этносами.

Сложность и противоречивость ситуации в Дагестане раскрывается в ряде монографий и публикаций²⁰.

В этих условиях в Дагестане требуется целый комплекс мероприятий по оздоровлению ситуации

¹⁴ Абдулагов З. Влияние религиозного фактора на экстремистское поведение дагестанской молодежи // Россия и мусульманский мир. - 2012. - № 5 - С.35.

¹⁵ Мухин В. Элитарный террор Северного Кавказа // Независимая (Москва). - 2012, 13 августа.

¹⁶ Абдулагов З. Влияние религиозного фактора на экстремистское поведение дагестанской молодежи // Россия и мусульманский мир. - 2012. - № 5. - С.44.

¹⁷ Александров А. Горы на медленном огне // Аргументы и факты. Москва. - 2013. - № 23. - 5- 11 июня. - С.9.

¹⁸ А.М. Абдулатипов А.М. Совершенствование мер противодействия финансированию террористической и экстремистской деятельности на Северном Кавказе // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2011. - № 4. - С. 45-46.

¹⁹ Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 21-22 ноября 2008 г. Махачкала. Т.2. - Махачкала: Изд-во «Лотос», 2008. - С. 12.

²⁰ См.: Ланда К.Г. Дагестан и геостратегия России на Кавказе. - Махачкала: Издательство «Наука - Дагестан», 2012; Магомедова Э.Р., Магомаев М.М. Региональные особенности бедности в республиках Северного Кавказа // Вестник Дагестанского государственного университета. 2011. - Вып. 5. - С. 10-16; Рамазанов Т.Б. Актуальные вопросы борьбы с экстремизмом и терроризмом в Дагестане // Вестник Дагестанского государственного университета. 2011. - Вып. 2. - С. 129-134; Халидов Д. Махачкалинский рубеж // Военно-промышленный курьер. - 2013, 10 июля.

в обществе, усилению деятельности по противодействию терроризму и экстремизму, укреплению национальной безопасности.

Во-первых, необходимо наращивать КТО по уничтожению террористов. Так, в результате планомерной работы в 2012 году, правоохранным органам удалось стабилизировать обстановку в Кизлярском и Сергокалинском районах, в городе Избербаше. Seriously продвинулись в данном направлении и по Карабудахкентскому району и Махачкале. Вследствие предпринятых мер за прошедший год уменьшилось число «лесных людей» и их сторонников примерно на 450. Среди них и задержанные в ходе оперативно-розыскных мероприятий, и добровольно сдавшиеся – около 200 человек, и ликвидированные с оружием в руках, среди которых немало главарей²¹.

Непрерывно, каждый день, по мере поступления информации, активно ведет борьбу с терроризмом Группа регионального оперативного управления по Дагестану, костяк которой составляют внутренние войска МВД России. При их участии фактически ликвидировано бандподполье в Сергокалинском районе, серьезно потрепали бандитов в Карабудахкентском районе²².

Вместе с тем, по оценке МВД по РД (по состоянию на май 2013 г.) на территории республики действует 10 бандгрупп общей численностью 150–170 активных боевиков, не считая пособников, в основном родственников и знакомых бандитов. В некоторых территориальных субъектах складывается сложная оперативная ситуация. Прежде всего, в Буйнакском, Хасавюртовском и Карабудахкентском районах²³.

Для активизации противодействия терроризму помимо устранения вышеуказанных причин, предлагаются следующие меры:

- принять нормативно-правовые акты, обеспечивающие органам исполнительной и судебной власти возможность эффективно противодействовать легализации («отмыванию») доходов, полученных любыми незаконными способами;
- выявить и пресекать создание террористическими структурами собственных или кон-

тролируемых ими финансово-кредитных и коммерческих организаций (банки, страховые общества, фирмы, фонды и т.д.);

- принимать меры по идентификации постоянных или случайных клиентов, а также клиентов, в пользу которых открыты счета;
- внести изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации, запрещающие счета и депозиты на предъявителя, которые обезличивают получателя;
- совершенствовать механизм отслеживания и блокирования нелегальных денежных и товарных потоков через таможню;
- активизировать борьбу с криминальными явлениями, используемыми террористами для преступной деятельности²⁴.

Во-вторых, необходимо совершенствование организации управленческой деятельности во всех сферах общественной деятельности. Нужна система своевременного информирования о назревании чрезвычайных ситуаций, вероятных вооруженных конфликтов, их причинах и возможных последствиях. Надо добиваться обеспечения высокой оперативно-мобилизационной готовности системы сил обеспечения национальной безопасности к действиям в сложных и экстремальных условиях. Осуществление руководства и контроля за проводимыми мероприятиями, прогнозирование, предупреждение и локализация негативных явлений. Своевременное, адекватное реагирование на резкое обострение оперативной обстановки, координация усилий и взаимодействие различных подразделений системы национальной безопасности. Организация эффективной работы руководящего и оперативного состава органов безопасности в условиях КТО, служебно-боевой деятельности по охране общественного порядка. Постоянный обмен информацией, координация и взаимодействие гражданских властей с МЧС России, МВД России, ФСБ России, воинскими частями Минобороны России, внутренних войск МВД России, администрацией учреждений и предприятий при локализации и ликвидации последствий в сложных условиях²⁵.

²⁴ Абдулатипов А.М. Совершенствование мер противодействия финансированию террористической и экстремистской деятельности на Северном Кавказе // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2011. – № 4. – С. 46–47.

²⁵ См.: Середа В., Шевалева Н. «Особые условия» в системе критериев национальной безопасности // Обозреватель. – 2013. – № 6. – С. 59–72.

²¹ Из интервью министра внутренних дел Дагестана генерал-майора полиции А. Магомедова еженедельнику «Военно-промышленный курьер» от 15 мая 2013 г.

²² Там же.

²³ Там же.

Важно поднять на новый уровень управленческую деятельность, особенно в тех районах, где проводились специальные оперативные действия против террористов. Надо реально оценивать изменение ситуации после таких мероприятий. Критерием должна быть нормализация обстановки в этих местах.

Руководству республики надо четко представлять обстановку в каждом районе, видеть причинно-следственные связи, которые могут привести к терроризму. В этом плане, на наш взгляд, интерес представляет работа И.В.Стародубровской и Д.В.Соколова²⁶, где раскрывается методика исследования одного из сложных районов Дагестана – Унцукульского района, который граничит с 5 районами республики. В работе раскрывается уклад жизни жителей района, проблема миграции, получение молодежи высшего образования и последующее их трудоустройство, религиозность унцукульцев, вопросы семейно-брачных отношений, протестные акции местного населения, последствия строительства Ирганайской ГЭС (вывод из хозяйственного оборота значительной части земель, занижение размера компенсаций за затопленные территории (сады) и имущество), развитие животноводства и нежелание молодежи чабановать, массовое отходничество взрослого мужского населения, трудности с доставкой выращенных фруктов на рынок (Гимринский тоннель), получение бюджетных денег, пенсий (особенно по инвалидности), убийство глав районов, отношение населения к проводимым КТО на территории района и др. Все это показывается через имидж Унцукульского района в целом и особенно сел Гимры и Балахани как центров вооруженного подполья и террористической деятельности. Следует отметить, что представители района принимали активное участие в событиях по захвату Дома правительства РД в мае 1998 г. В последующие годы участие боевиков из Унцукульского района в акциях террористической направленности, особенно в Махачкале, стало заметным явлением.

Местные органы власти должны четко представлять, что акты терроризма оказывают отрицательные последствия для экономики, деловой активности бизнеса, привлечения инвестиций для развития муниципальных образований.

В-третьих, в качестве приоритета важно усиление интенсивности идеологической работы с

населением, особенно с молодежью, как противодействие религиозно-идеологической обработке молодого поколения исламскими духовными лидерами. В этих условиях, как подчеркивает доктор юридических наук И.Бондаренко «надо вести соответствующую работу с молодежью, основном в возрасте от 15–17 лет, ведь именно они, неправильно поняв идеи справедливости, могут перейти к радикальным действиям»²⁷.

Как показывает практика, на людей, особенно молодежь, большое влияние оказывают те, кто получил духовное образование за рубежом. Вполне законопослушные, лояльные государству граждане, уехавшие за границу для учебы в исламских вузах, возвращаются домой совершенно другими, с чуждой Дагестану системой ценностей и взглядов. Среди тех, кто берет в руки оружие, значительное число выпускников духовных учебных заведений Египта, Сирии, Пакистана. В частности, ликвидированный в 2010 году лидер дагестанского бандподполья Вагабов окончил исламский университет в Пакистане.

В связи с этим, ряд экспертов предлагает в качестве меры установить полный и постоянный контроль над медресе и высшими исламскими учебными заведениями, а также мечетями. Выпускники зарубежных исламских учебных заведений, по их мнению, вне зависимости от страны обучения, должны пройти проверку на соответствие их вероубеждения традиционному варианту. Предлагается рассмотреть вопрос о полном запрете на занятие подобных постов для обучавшихся в исламских университетах Саудовской Аравии и Египта.

Данные меры лишь на первый взгляд кажутся радикальными. «Диалог» с исламистами, которые пытаются воплотить в жизнь вооруженную и террористическую борьбу, может вестись исключительно в форме жесткого силового противостояния со стороны правоохранительных органов.

В-четвертых, Республика Дагестан как никакой другой субъект Российской Федерации требует помощи и поддержки федеральной власти. В этом плане назначение Р.Абдулатипова, а потом и избрание его Главой РД положительно сказалось на общем состоянии жизни республики. Но впереди не только большая работа по борьбе с коррупцией и клановостью, но и деятельность по социально-экономическому развитию РД, повышению благосостояния ее жителей, созданию новых рабочих мест, уменьшению безработицы.

²⁶ См.: Истоки конфликтов на Северном Кавказе: монография / И.В.Стародубровская, Д.В.Соколов. - М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. – С.149–173.

²⁷ Бондаренко И.И. Эксцесс одиночки // Российские вести. – 2012, 27 марта.

Библиография

1. Выступление Президента РФ В.В.Путина 9 сентября 2013 г. на заседании Совета Безопасности Российской Федерации, посвященного обеспечению стабильности на Северном Кавказе. Режим доступа: <http://президент.рф/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/19184>
2. Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). – М., 2006. – С.105.
3. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М.: Международные отношения. – 2001. – С. 47–48.
4. Палчаев А.Н. Конфликтогенный потенциал национально-территориального устройства Северного Кавказа // Власть. – 2012. – № 1. – С. 104.
5. Омаров А.И. Некоторые особенности общественной трансформации на Северном Кавказе (на примере Республики Дагестан) // Трансформация и конфликты в Центральной Азии и на Кавказе. М.: ИВ РАН, ЦСПИ, 2013. – С.76.
6. Рамазанов Т.Б. Актуальные вопросы борьбы с экстремизмом и терроризмом в Дагестане // Вестник Дагестанского государственного университета. 2011. – Вып. 2. – С. 129–134;
7. Халидов Д. Махачкалинский рубеж // Военно-промышленный курьер. – 2013, 10 июля.
8. Гамидов А.М. Территориальные различия посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов в Дагестане // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2013. – Вып. 2. – С.118.
9. Магомедова Э.Р., Магомаев М.М. Региональные особенности бедности в республиках Северного Кавказа // Вестник Дагестанского государственного университета. 2011.-Вып. 5. – С. 10–16
10. Магомедов И.Р. К вопросу о муниципальной безопасности в городе Махачкале: теоретические и практические аспекты // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2011. – № 4. – С. 24–25
11. Абдулатипов А.М. Совершенствование мер противодействия финансированию террористической и экстремистской деятельности на Северном Кавказе // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2011. – № 4. – С. 45–46.
12. Серкерев С.Э. Международный терроризм в Дагестане. – Махачкала, 2012. – С.62.
13. Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 21–22 ноября 2008 г. Махачкала. Т.2. – Махачкала: Изд-во «Лотос», 2008. – С. 12.
14. Ибрагимов М.-Р. А.. Этнокультурные последствия миграционных процессов в дагестане во второй половине XX-начале XXI в. // Вестник Института ИАЭ. – 2011. – № 3. С.92–93.
15. Абдулагов З. Влияние религиозного фактора на экстремистское поведение дагестанской молодежи // Россия и мусульманский мир. – 2012. – № 5. – С.35.
16. Мухин В. Элитарный террор Северного Кавказа // Независимая (Москва). – 2012, 13 августа.
17. Абдулагов З. Влияние религиозного фактора на экстремистское поведение дагестанской молодежи // Россия и мусульманский мир. – 2012. – № 5. – С.44.
18. Александров А. Горы на медленном огне // Аргументы и факты. Москва. – 2013. – № 23. – 5–11 июня. – С.9.
19. Истоки конфликтов на Северном Кавказе: монография/ И.В.Стародубровская, Д.В.Соколов. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. – С.149–173.
20. Бондаренко И.И. Экссесс одиночки // Российские вести. – 2012, 27 марта.
21. Ланда К.Г. Дагестан и геостратегия России на Каспии. – Махачкала: Издательство «Наука – Дагестан», 2012.
22. Абдулатипов А.М. Совершенствование мер противодействия финансированию террористической и экстремистской деятельности на Северном Кавказе // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2011. – № 4. – С. 46–47.
23. Середя В., Шевалева Н. «Особые условия» в системе критериев национальной безопасности // Обозреватель. – 2013. – № 6. – С. 59–72.
24. И. В. Бочарников Северо-Кавказский регион: проблемы и перспективы реализации государственной политики России // Международные отношения. – 2012. – 1. – С. 36–45.
25. А. В. Манойло Актуальные вопросы модернизации современной культурно-цивилизационной теории управления международными конфликтами // Национальная безопасность/nota bene. – 2011. – 4. – С. 60–66.
26. И.В. Григорян Политический курс Турции в отношении постсоветских государств на Южном Кавказе (1991–2008 гг.) // Политика и общество. – 2013. – 1. – С. 90–96. DOI: 10.7256/1812 – 8696.2013.01.11.
27. И.А. Кадимова Республика Дагестан в условиях стратегической нестабильности: пути выхода из кризиса // Национальная безопасность/nota bene. – 2012. – 5. – С. 4–12.

References

1. Vystuplenie Prezidenta RF V.V.Putina 9 sentyabrya 2013 g. na zasedanii Soveta Bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii, posvyashchennogo obespecheniyu stabil'nosti na Severnom Kavkaze. Rezhim dostupa: <http://prezident.rf/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/19184>
2. Tsutsiev A. Atlas etnopoliticheskoi istorii Kavkaza (1774–2004). – M., 2006. – S.105.
3. Gadzhiev K.S. Geopolitika Kavkaza. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2001. – S. 47–48.
4. Palchaev A.N. Konfliktogennyi potentsial natsional'no-territorial'nogo ustroistva Severnogo Kavkaza // Vlast'. – 2012. – № 1. – S. 104.
5. Omarov A.I. Nekotorye osobennosti obshchestvennoi transformatsii na Severnom Kavkaze (na primere Respubliki Dagestan) // Transformatsiya i konflikty v Tsentral'noi Azii i na Kavkaze. M.: IV RAN, TsSPI, 2013. – S.76.
6. Ramazanov T.B. Aktual'nye voprosy bor'by s ekstremizmom i terrorizmom v Dagestane // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. – Vyp. 2. – S. 129–134;
7. Khalidov D. Makhachkalinskii rubezh // Voенно-promyshlennyy kur'er. – 2013, 10 iyulya.
8. Gamidov A.M. Territorial'nye razlichiya posyagatel'stv na zhizn' sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov v Dagestane // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – Vyp. 2. – S.118.
9. Magomedova E.R., Magomaev M.M. Regional'nye osobennosti bednosti v respublikakh Severnogo Kavkaza // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. – Vyp. 5. – S. 10–16.
10. Magomedov I.R. K voprosu o munitsipal'noi bezopasnosti v gorode Makhachkale: teoreticheskie i prakticheskie aspekty // Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 4. – S. 24–25.
11. Abdulatipov A.M. Sovershenstvovanie mer protivodeistviya finansirovaniyu terroristicheskoi i ekstremistskoi deyatel'nosti na Severnom Kavkaze // Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. – № 4. – S. 45–46.
12. Serkerov S.E. Mezhdunarodnyi terrorizm v Dagestane. – Makhachkala, 2012. – S.62.
13. Aktual'nye problemy protivodeistviya natsional'nomu i politicheskomu ekstremizmu: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 21–22 noyabrya 2008 g. Makhachkala. T.2. – Makhachkala: Izd-vo «Lotos», 2008. – S. 12.
14. Ibragimov M.-R. A. Etnokul'turnye posledstviya migratsionnykh protsessov v dagestane vo vtoroi polovine KhKh-nachale KhKhI v. // Vestnik Instituta IAE. – 2011. – № 3. S.92–93.
15. Abdulagov Z. Vliyanie religioznogo faktora na ekstremistskoe povedenie dagestanskoi molodezhi // Rossiya i musul'manskii mir. – 2012. – № 5. – S.35.
16. Mukhin V. Elitarnyy terror Severnogo Kavkaza // Nezavisimaya (Moskva). – 2012, 13 avgusta.
17. Abdulagov Z. Vliyanie religioznogo faktora na ekstremistskoe povedenie dagestanskoi molodezhi // Rossiya i musul'manskii mir. – 2012. – № 5. – S.44.
18. Aleksandrov A. Gory na medlennom ogne // Argumenty i fakty. Moskva. – 2013. – № 23. – 5–11 iyunya. – S.9.
19. Istoki konfliktov na Severnom Kavkaze: monografiya/ I.V.Starodubrovskaya, D.V.Sokolov.-M.: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS, 2013. – S.149–173.
20. Bondarenko I.I. Ekstsess odinochki // Rossiiskie vesti. – 2012, 27 marta.
21. Landa K.G. Dagestan i geostrategiya Rossii na Kasp'ii. – Makhachkala: Izdatel'stvo «Nauka – Dagestan», 2012.
22. Abdulatipov A.M. Sovershenstvovanie mer protivodeistviya finansirovaniyu terroristicheskoi i ekstremistskoi deyatel'nosti na Severnom Kavkaze // Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. – № 4. – S. 46–47.
23. Sereda V., Shevaleva N. «Osobyie usloviya» v sisteme kriteriev natsional'noi bezopasnosti // Obozrevatel'. – 2013. – № 6. – S. 59–72.
24. I. V. Bocharnikov Severo-Kavkazskii region: problemy i perspektivy realizatsii gosudarstvennoi politiki Rossii // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2012. – 1. – S. 36–45.
25. A. V. Manoilo Aktual'nye voprosy modernizatsii sovremennoi kul'turno-tsivilizatsionnoi teorii upravleniya mezhdunarodnymi konfliktami // Natsional'naya bezopasnost'/nota bene. – 2011. – 4. – S. 60–66.
26. I.V. Grigoryan Politicheskii kurs Turtsii v otnoshenii postsovetskikh gosudarstv na Yuzhnom Kavkaze (1991–2008 gg.) // Politika i obshchestvo. – 2013. – 1. – S. 90–96. DOI: 10.7256/1812 – 8696.2013.01.11.
27. I.A. Kadimova Respublika Dagestan v usloviyakh strategicheskoi nestabil'nosti: puti vykhoda iz krizisa // Natsional'naya bezopasnost'/nota bene. – 2012. – 5. – S. 4–12.